

Два письма (по страницам старых газет)

Советские люди неизмеримо дорожат своими правами, узаконенными Сталинской Конституцией. И это понятно потому, что столетиями народы нашей страны мечтали о светлом будущем, смело боролись за него и многие лучшие умы человечества погибли в этой борьбе.

Бесправие и обречённость, в которых держалось так называемое «низшее сословие» в бытность царского самодержавия, не могла даже скрыть тогдашняя буржуазная печать, и случалось так, что, может быть, помимо воли цензуры, нет-нет да и проскользнёт на странице газеты какая-нибудь обличительная статейка, которая приоткроет завесу и обнажит неприглядную картину на права человека и свободу его личности.

Листая страницы газеты «Старый Владимирец» за 1910 год, в № 255 я прочитал такое сообщение:

Бывшим учителем земской школы в с. Дубровицах, Переславского уезда, С. И. Орловым в Переславскую уездную и губернскую земскую управу поданы прошения, в которых он умоляет не задерживать выдачу денег из пенсионной кассы.

Прослужив пятнадцать с лишком лет, пишет он, в должности учителя в земской школе в селе Дубровицах, я заболел тяжкой болезнью. Взял отпуск и, как тяжело больной и находящийся в отпуску, полагал, что учительскую квартиру я могу не освобождать. Но я ошибся. Местный священник, отец Панов, уже давно, давно желавший, выражаясь просто, «отбить» у меня законоучительство, едет в Переславль... и получив из управы желаемую для него бумагу за № 4433 от 6 октября, вручает её мне. Бумага эта предлагает мне оставить квартиру при школе... несмотря на то, что я в это время едва таскал ноги, а в половине октября мои силы настолько ослабели, что я окончательно слёг в постель и малейшее движение стало опасным для моей жизни. Так констатирует моё состояние здоровья врач в выданном им мне свидетельстве. Я и посейчас лежу без движения.

Травля учителя местным попом и «властями предержажими» не имела границ. То и знай приходили они к больному, требуя немедленно убираться из квартиры, то заплатить за неё деньги. А деньги уже иссякли.

Такие нравственные пытки, — продолжает передавать письмо газетная заметка, — я должен был переносить до 13-го ноября, пока — одна крестьянка солдатка не сжалилась надо мною и согласилась пустить меня в свой дом.

Скудные сбережения С. И. Орлова были израсходованы на врачей, лекарства и питание. Со службы его уволили. В холодный зимний день выгнали из казённой квартиры. По селу поползли слухи, что учитель кругом должен, получить с него нечего, и ему тоже получать нечего... Страсти травли разжигались ещё тем, что

я умру скоро и непременно, мне никто не хочет теперь верить и одного фунта чёрного хлеба в долг, имея при этом в виду и прежние долги мои. Итак, если не вышлете мне тотчас же денег эмеритурных (пенсионных. — С. В.), значит, заставьте умереть меня, одержимого тяжкой болезнью, ОТ ГОЛОДА.

А теперь представьте себе (с большим трудом!), что в какой-нибудь нашей школе заболел учитель. К нему на квартиру является, скажем, какое-нибудь административное лицо и предлагает немедленно выселяться. Больной учитель просит подождать. А тут ещё задерживают пособие. Его просьбам не внемлют. Учителя вышвыривают с квартиры и выгоняют с работы...

Что бы тут поднялось!.. Вмешался бы профсоюз, райисполком, партийные органы, прокурор, народный суд... Права учителя были бы бесспорно восстановлены, а виновник травли сурово наказан.

Но ничего подобного не было и не могло случиться в царской России.

Неподалёку от Дубровиц, в селе Петрищево, в это же время в школе, выстроенной А. А. Ганшиным, учительствовал В. П. Городничев. Он не болел. Но его и здорового местный поп, кулаки и иные власти так затравили, что он был вынужден уехать из родного села. Только после Октябрьской социалистической революции он вернулся назад. 6 мая 1939 года Советское правительство наградило его орденом Ленина. Это был первый случай награждения учителя в Переславском районе.

Получив известие о награде, В. П. Городничев писал в газету «Коммунар» 15 мая того же года в № 109:

Я, советский простой человек, работал и не думал о какой-то особой награде за свой труд потому, что сам по себе труд учителя является для меня большой честью. Когда я остался один, слёзы радости хлынули у меня из глаз. Вспомнилась до мельчайших подробностей прожитая жизнь, вспомнилась кабальная темнота, в которой находился я (и миллионы подобных мне) до Октябрьской революции.

Только Великая Октябрьская социалистическая революция дала нам, учителям, полное право трудиться на благо народа.